

БЕНДЖАМИН КРОУФОРД

ПОХИЩЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Похищенное правосудие

Бенджамин Кроуфорд

Настоящая книга является художественным произведением, основанным на реальных событиях. Все персонажи, их имена, фамилии, биографии и личные характеристики являются вымышленными или существенно изменёнными в художественных целях. Любое сходство персонажей книги с конкретными реальными людьми (живыми или умершими) является случайным и непреднамеренным.

Оглавление:

Введение. Охотники за душами

Глава I. Огонь в ночи

Глава II. Звонок в «Канцелярию тьмы»

Глава III. Технология одной экспертизы

Глава IV. Явление «Святого»

Глава V. Дело «Бхагавад-гиты»

Глава VI. Механизм «Экспертного террора»

Глава VII. Портрет Александра Дворкина

Заключение

Введение. Охотники за душами

В зале Пермского районного суда стояла та особенная, вязкая тишина, которая бывает только в местах, где ломаются человеческие судьбы и где воздух пропитан запахом старой бумаги и невидимым электричеством тревоги. За окном угасал серый уральский день, но внутри время словно остановилось, застыв в неподвижности бюрократического равнодушия. Единственным звуком, нарушающим этот вакуум, был сухой шелест переворачиваемых страниц.

Судья, женщина с усталым лицом и безупречной, словно каменной укладкой, медленно листала документ, лежащий перед ней. Это была не обычная тонкая папка с протоколами и ходатайствами. Это был массивный том толщиной в хороший кирпич — сотни страниц плотного текста, скрепленные печатью.

На скамье ответчиков сидела Елена Б. Молодая, современная женщина, предприниматель, мать двоих детей. Ее руки, сцепленные в замок на коленях, побелели от напряжения так, что проступил рисунок вен. Она старалась дышать ровно, контролировать каждый вдох, но сердце колотилось в груди, отдаваясь глухими, болезненными ударами в висках. Она не смотрела на судью. Ее взгляд, полный смеси первобытного ужаса и интеллектуального недоумения, был прикован к людям, сидевшим в первом ряду зала.

К людям в дорогих, но слегка мешковатых костюмах, которых она никогда не приглашала в свою жизнь. К людям, чьи имена она узнала лишь несколько недель назад, но которые бесцеремонно, по-хозяйски вторглись в ее реальность, чтобы уничтожить все, что ей было дорого.

Это не было уголовное дело о серийном убийстве, терроризме или хищении государственных миллиардов. Здесь не решалась судьба опасного рецидивиста. Здесь, в этом душном зале, решался вопрос, который в здоровом обществе вообще не должен стоять: имеет ли право

женщина воспитывать своих собственных детей, если она читает книги, которые не нравятся посторонним людям, и продает витамины марки, не одобренной неким самопровозглашенным «экспертным советом»?

В современной России существует невидимая, но смертельно опасная граница. Переступив ее, любой гражданин — будь то домохозяйка, инженер, врач или успешный бизнесмен — оказывается в зоне отчуждения. В этой параллельной реальности законы логики, физики и юриспруденции перестают действовать. Презумпция невиновности здесь рассыпается в прах перед «мнением» частных лиц, присвоивших себе право называться экспертами. Здесь термин «секта», отсутствующий в правовом поле страны, стал юридической дубиной, универсальным социальным оружием, способным разбить самую крепкую семью, отобрать детей и превратить уважаемого человека в изгоя.

Это книга — расследование того, как институт судебной экспертизы, призванный быть гарантом научной истины, был приватизирован группой идеологически мотивированных лиц и превращен в инструмент антикультового террора. Это история о том, как личная драма одной семьи из Перми вскрыла механизм гигантской машины по перемалыванию судеб, управляемой из московских кабинетов людьми, чьи имена шепотом произносят даже в церковных кулуарах.

Кто дал право ветеринарам и учителям истории решать, кому воспитывать детей? Как получилось, что параноидальные фантазии о всемирных заговорах стали основанием для судебных решений именем Российской Федерации? И почему государство позволяет группе идеологических фанатиков подменять собой закон, превращая правосудие в средневековый фарс?

Ответы на эти вопросы лежат в папке с материалами дела Елены Б. Дела, которое должно было стать рядовым спором об опеке, но стало обвинительным приговором всей системе.

Глава I. Огонь в ночи

Пермь, 2013 год. Город миллионник, промышленное сердце Урала, где дым заводских труб смешивается с туманом над Камой. Еще недавно семья Елены Б. для стороннего наблюдателя выглядела как идеальная картинка из глянцевого журнала о провинциальном успехе. Александр — состоятельный бизнесмен, владелец серьезных активов: компаний «Уралдорстрой» и «Дортехстрой», занимающихся дорожным строительством и недвижимостью. Человек дела, крепкий хозяйственник, на публике всегда подтянут, уверен в себе, в дорогом пальто и с часами, стоимость которых превышает годовой бюджет средней пермской семьи. Елена — красивая женщина, хранительница очага, мать двоих детей, Константина и Полины. Их дом, огороженный высоким забором, казался крепостью, оплотом стабильности.

В те годы, до развода, их жизнь казалась многим воплощением мечты. Совместные отпуска на лучших курортах, дорогие подарки, приемы гостей. Александр умел быть обаятельным, когда это было нужно для бизнеса или имиджа. Но высокие заборы часто скрывают не счастье, а тайны. Внутри этого дома царил не уют, а холодный, парализующий волю страх.

Домашняя тирания — это не всегда крики, слышные соседям. Часто это зловещая тишина. Это тотальный контроль каждого звонка, каждого взгляда, каждой потраченной копейки. Это атмосфера, в которой любовь подменяется властью, а диалог — приказами. Александр привык управлять бетоном и асфальтом, тоннами щебня и бригадами рабочих. И со временем он перестал видеть разницу между подчиненными на стройке и собственной женой. Для него они были ресурсом. Собственностью.

Точкой невозврата для Елены стало жуткое осознание: ее дети начинают воспринимать эту модель отношений как норму. Сын Константин впитывал манеру отца, учась презирать слабость и женское мнение, а дочь Полина училась бояться, сжиматься в комок и становиться невидимкой при звуке

отцовских шагов. Развод в декабре 2012 года должен был стать дверью в новую жизнь.

Елена переехала в Москву. Это был побег к свободе. Она стремилась к финансовой независимости, чтобы никогда больше не зависеть от прихотей бывшего мужа. Она начала работать в компании прямых продаж Herbalife, интересовалась психологией, читала книги по саморазвитию. В Москве она дышала полной грудью. Она строила свой мир, свободный от удушающего контроля, восстанавливая собственное достоинство по кирпичику. Она верила, что прошлое осталось в Перми, за тысячу километров.

Но Александр не был человеком, который умеет отпускать. Особенно то, что он считал своей собственностью по праву сильного. Его уязвленное эго требовало сатисфакции. Ему было мало просто развестись. Ему нужно было уничтожить источник своего раздражения, доказать, что без него она — ничто. И он нашел тех, кто подсказал ему идеальный способ мести.

Ему объяснили: твоя жена не просто ушла. Твоя жена — «сектантка». Это слово стало ключом, открывшим ящик Пандоры в его сознании. А значит, с ней можно вести войну без правил. С «сектантами» не договариваются. Их уничтожают.

В ночь на 26 ноября 2013 года двор многоэтажного дома в Перми, где останавливалась Елена во время визитов в родной город, погрузился в тревожный сон. Внезапно темноту разорвала яркая вспышка. Двор озарился неестественно ярким, пульсирующим оранжевым светом. Вспыхнуло пламя.

Горел автомобиль Елены. Огонь жадно пожирал лак, металл, пластик, превращая средство передвижения в обугленный скелет. Языки пламени отражались в темных окнах спящих квартир, бросая пляшущие тени на стены. Это не было случайным замыканием проводки. Это была казнь. Казнь имущества как последнее предупреждение хозяйке: «Следующей будешь ты».

На следующее утро Елена, дрожа от холода и шока, смотрела записи с камер видеонаблюдения в комнате охраны. На зернистом черно-белом экране она безошибочно узнала силуэт. Знакомая походка, наклон головы, уверенные, хозяйские движения. Человек на видео не спешил. Он не прятался, не суетился, как обычный уличный хулиган. Он сделал свое дело и на мгновение остановился, чтобы понаблюдать за разгорающимся пламенем. Словно наслаждаясь своей работой.

Это был Александр. Ее бывший муж. Отец ее детей. Успешный бизнесмен, уважаемый человек.

Казалось бы, для правосудия все очевидно. Есть преступление (умышленное уничтожение имущества), есть доказательства (видеозапись), есть мотив (мечь). Елена обратилась в полицию, ожидая немедленного ареста. Но вместо наручников она столкнулась с глухой стеной равнодушия. Заявление приняли, но дело не двигалось. Следователи отводили глаза, теряли документы, находили тысячи причин для бездействия.

Почему правоохранительные органы закрыли глаза на очевидное уголовное преступление? Ответ крылся в пугающей метаморфозе, произошедшей с Александром. Он изменился. В его речи появились чужие, заученные фразы. Он говорил о «зомбировании», о «тоталитарных культах», о «гибели души», о «спасении детей». Он больше не был просто ревнивым бывшим мужем. Он стал солдатом в чужой войне. Он получил идеологическую индульгенцию на насилие. Ему внушили, что, сжигая машину «сектантке», он совершает благое дело.

Но поджог был лишь предупредительным выстрелом, яркой вспышкой в ночи. Настоящий кошмар начался раньше, тихо и буднично. В октябре 2013 года, еще до пожара, Александр, заручившись поддержкой невидимых пока кукловодов, похитил их сына Константина. Он просто забрал его из школы в Москве, посадил в машину и увез в неизвестном направлении.

Елена осталась с ужасающим осознанием: против нее играет сила, намного страшнее, чем просто богатый бывший муж с канистрой бензина.

Глава II. Звонок в «Канцелярию тьмы»

Елена Б. — человек рациональный. В бизнесе, как и в жизни, она привыкла искать причинно-следственные связи. Но, столкнувшись с иррациональным злом, она терялась. Почему ее обычная работа в Herbalife — продажа витаминных коктейлей и консультации по питанию — и чтение книг по саморазвитию вдруг стали поводом для обвинений в сектанстве, вплоть до обвинений в экстремизме, сатанизме и угрозе национальной безопасности? Откуда в суде, где решался сугубо семейный вопрос об определении места жительства детей, появились странные люди, которых она никогда не видела, но которые утверждали, что знают о ней всё, вплоть до содержания ее мыслей?

В зале суда Перми материализовались фигуры федерального масштаба: Александр Дворкин, самый известный «сектовед» страны, председатель Экспертного совета при Минюсте, и его региональный подручный Евгений Ошмарин. Они выступали свидетелями. Они уверенно, с апломбом профессоров, вещали о том, что Елена — член деструктивного культа, что ее сознание изменено, что она опасна для общества и собственных детей.

Как эти люди оказались в частном споре? Какая сила привела московского «профессора» в провинциальный суд ради дела о разводе? Елена решила провести следственный эксперимент. Ей нужно было знать правду, какой бы циничной она ни была.

Она нашла телефон организации РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), которую возглавлял Дворкин, и набрала номер.

Гудки тянулись бесконечно долго. Наконец, трубку сняли. Елена представилась вымышленным именем. Она придумала легенду, типичную для встревоженной женщины: ее муж якобы попал в секту. В качестве «секты» она назвала компанию Amway и упомянула также о якобы его увлечении йогой.

— Помогите, — просила она в трубку, стараясь, чтобы голос дрожал от волнения. — Спасите его, он стал неадекватным, он тратит деньги, я боюсь за семью.

Она ожидала услышать слова о молитве, о духовной беседе, о необходимости терпения. Но голос собеседника на том конце провода был деловитым, лишенным сочувствия, но полным коммерческого интереса.

Ей предложили сделку.

«Они сразу обрисовали общий сценарий: она может их нанять, они придут, скажут, что делать, сфабрикуют документы и даже выступят в суде в качестве свидетелей — всё это за определенную плату».

Это признание прозвучало как гром среди ясного неба. Пазл сложился мгновенно. Выходит, что её муж, Александр, богатый бизнесмен, не стал внезапно религиозным фанатиком. Он просто купил услугу. Услугу по демонизации бывшей жены. Организация РАЦИРС, прикрываясь высокими словами о заботе и защите граждан и даже интересов страны, на деле работала как циничное агентство с прайс-листом на уничтожение репутации.

«Сфабрикуют документы» — эта фраза эхом отдавалась в голове Елены. Они открыто признались в готовности подделать доказательства ради гонорара.

Вскоре в суде появился главный калибр — «экспертное заключение» некоего Алексея Воата. Двести страниц текста. Двести страниц псевдонаучного бреда, переплетенного в том. Этот документ призван был доказать, что продажа витаминов — это путь к безумию, а чтение книг по саморазвитию — поклонение дьяволу. Документ пестрел терминами «психологическое насилие», «контроль сознания», «оккультная зависимость», «деструктивное воздействие».

Но самым страшным было даже не содержание бумаг, а фигура юриста, нанятого мужем. Адвокат, тесно связанный с Дворкиным и являющийся

председателем юридического комитета РАЦИРС, разыгрывал партию как по нотам. Их план был чудовищнее простого отъема детей.

Они хотели признать Елену невменяемой. Схема была проста и ужасна в своей эффективности: сначала объявить человека сектантом, потом на основании «экспертизы» заявить о необратимых изменениях психики вследствие «сектантского воздействия» и упечь в психиатрическую лечебницу. Принудительное лечение. Полная изоляция. Лишение дееспособности. И полный контроль над имуществом и детьми интересах бывшего мужа.

Звонок в РАЦИРС открыл Елене глаза: она боролась не с бывшим мужем и его ревностью. Она боролась с индустрией. Индустрией, зарабатывающей миллионы на семейных трагедиях. И у этой индустрии была государственная лицензия на разрушение.

Глава III. Технология одной экспертизы

Документ, который с пафосом положил на стол судьи адвокат Дворкина, заслуживал изучения психиатрами не меньше, чем предполагаемый диагноз Елены. Это был шедевр псевдонаучной фантастики, оформленный по всем правилам российской бюрократии: прошитый, пронумерованный, с печатями.

Елена листала этот талмуд, и ее охватывал холодный ужас. Автор заключения с серьезностью средневекового инквизитора утверждал, что утренние планерки в офисе продаж Herbalife — это завуалированные религиозные ритуалы. Что чтение книг по успеху и мотивации — это «жесткая индоктринация». Любое действие Елены — от покупки витаминов до занятий йогой — интерпретировалось как знак принадлежности к «тоталитарному культу».

Она читала и не узнавала свою жизнь. Обычные корпоративные тренинги описывались как сеансы массового гипноза. Желание заработать денег трактовалось как «алчность, привитая культом».

Методика создания таких экспертиз в недрах РАЦИРС отработана до автоматизма. Это конвейер по производству лжи, работающий без сбоев. Как создается такое оружие массового поражения репутаций?

Этап первый: Исходный тезис. Виновность объекта определяется заранее, еще до начала «исследования». Заказчик платит за конкретный результат — признание оппонента сектантом. Задача «эксперта» — не найти истину, а подогнать решение под заранее утвержденную задачу. Если фактов нет, их нужно придумать или интерпретировать обычные вещи как зловещие знаки.

Этап второй: Замкнутый круг источников. К примеру, в качестве «научной литературы» и доказательной базы используются исключительно труды самого Александра Дворкина и его соратников. Получается идеальный замкнутый круг лжи: эксперт Воат в своем заключении ссылается на книгу

Дворкина «Сектоведение», или на итоговые документы антикультовой конференции, а сам Дворкин, к примеру, выступая в суде, ссылается на «независимую» экспертизу Воата, или также на материалы конференций, круглых столов, организатором которых он же сам и являлся. Внешних, независимых академических источников, рецензируемых научным сообществом, в таких документах нет. Это эхо-камера, где ложь многократно усиливает сама себя.

Этап третий: Лингвистическая алхимия. Происходит подмена понятий. Любая корпоративная культура объявляется «культом» (деструктивным, коммерческим и так далее) или «тоталитарной сектой». Психологические тренинги — «насилием над личностью». Молитва или медитация — «введением в трансовое состояние». Обычные человеческие желания — быть здоровым, богатым, счастливым — выворачиваются наизнанку и подаются как патологическая зависимость от группы.

Этап четвертый: Дегуманизация. Используется специфический язык вражды. Женщина, мать, предприниматель превращается в тексте экспертизы в «адепта», «зомби», «жертву», «марионетку». Термины подобраны так, чтобы вызвать у судьи подсознательный страх и отвращение. Человек перестает быть личностью, он становится носителем «вируса сектантства».

Кто же эти люди, вершащие судьбы, ставящие диагнозы без медицинского образования? Алексей Воат, Евгений Ошмарин, Максим Степаненко. У большинства из них нет профильного религиоведческого или психологического образования. Максим Степаненко, например, по профессии ветеринар. Но в суде они выступают как эксперты по человеческим душам.

Сами создатели этой системы даже не скрывают своих методов. Вот что пишет один из идеологов этого движения:

«Вам нужно собрать компромат на секту и распространить! Должен заметить, что данный метод с лёгкостью можно использовать против

любого человека — в том числе православного мирянина, священника и даже иерарха. Мы живём в прозрачном обществе, и компромат при желании можно найти на любого человека или просто сфабриковать».

Это признание — квинтэссенция «экспертного террора». Сфабриковать. Не найти, а создать из воздуха. Сделать виновным любого.

В деле Елены эта «экспертиза» стала тараном, пробившим защиту здравого смысла. Судья приняла этот бред как истину в последней инстанции. РАЦИРС создала идеальное оружие, и оно выстрелило точно в цель, разрушив жизнь матери и ребенка.

Глава IV. Явление «Святого»

День, когда Александр Дворкин переступил порог пермского суда, стал кульминацией театра абсурда. Атмосфера в зале сгустилась до предела. Процесс окончательно перестал быть гражданским спором и превратился в религиозный трибунал.

Дворкин вошел не как свидетель. Он вошел как прокурор, судья и палач в одном лице. Мужчина с бородой, в очках, он излучал холодную, непоколебимую уверенность в собственной правоте. Он ни разу не встречался с Еленой до этого дня. Он не знал ее детей, никогда не был в их доме, не видел, как она готовит завтрак или проверяет уроки. Но для «верховного сектоведа» факты живой жизни не имели никакого значения. У него была догма.

Дворкин сыпал заученными фразами, цитировал свои собственные книги как Священное Писание. Для провинциальной судьи его слова звучали как откровение свыше. Вот он, профессор из самой Москвы, глава Экспертного совета при Министерстве юстиции, человек, которого показывают по телевизору, приехал лично, чтобы спасти пермских детей от страшной угрозы.

— Эта женщина, — Дворкин небрежно указал рукой на Елену, словно на неодушевленный предмет, — является адептом тоталитарной секты. Ее воля подавлена. Дети в ее руках находятся в смертельной опасности.

Психологическое давление было физически ощутимым. Адвокат Елены пытался возражать, указывая на отсутствие доказательств, на голословность обвинений, но его голос тонул в монотонном, гипнотическом монологе Дворкина о «гибели души», «психологическом рабстве» и «международном заговоре культов».

Сцена в суде была театром одного актера. Дворкин проецировал на Елену образ врага. В его глазах она была не человеком, не любящей матерью, а

функцией, винтиком враждебной системы, которую нужно уничтожить во имя высшей цели.

Александр Б. сидел здесь же, в зале. Его лицо, некогда родное Елене, теперь выражало лишь фанатичную уверенность и злорадство. Он смотрел на Дворкина с обожанием, как на мессию. Он украл сына, лишил его школы, друзей, нормального детства, заставил жить в изоляции, но «эксперты» убедили и его, и суд, что это делается «во благо». Преступление (похищение ребенка) в этой искаженной реальности стало подвигом.

В перерыве заседания Елена вышла в коридор, пытаясь унять дрожь в руках. Она случайно увидела «экспертов» у окна. Ошмарин и Воат стояли, расслабленно опираясь на подоконник, отбросив маски праведного гнева. Их лица были спокойны, даже скучающи. Они что-то обсуждали, посмеиваясь. Можно лишь догадываться, о чем они говорили — возможно, о том, успеют ли они на вечерний рейс в Москву, или о том, перевел ли заказчик очередной транш. Судьба маленького Константина, которого они только что приговорили к жизни без матери, их абсолютно не интересовала. Работа выполнена, смета закрыта.

Этот цинизм был страшнее фанатизма.

Как сказал один протоирей: «...И многие искренние люди в Церкви... сами говорят, что дорогой товарищ Дворкин несет больше вреда Церкви, чем блага. Они также считают его двойным агентом, который разворачивает войну с сектами так, что бы одновременно лицо нашей Русской Православной Церкви опорочить, обозлить на церковь людей. Конечно — это тяжелая картина. А в последнее время Дворкин и те что с ним открыли новую форму бизнеса — так мне было сказано. Они придумывают секты, расколы внутри Православия там, где их нет, активно гасят и душат в кавычках как бы «сектантов» внутри церкви — ну при этом делают на заказ. Вот такой бизнес, такой заработок...».

В деле семьи Б. это были именно «бизнес». Бизнес на крови и слезах.

Итог был предрешен. Суд, подавленный авторитетом Дворкина и напуганный клеймо «сектантства», встал на сторону отца. Мать, признанная «сектанткой» без единого доказанного преступления, без единого медицинского освидетельствования, подтверждающего вред для детей, потеряла право воспитывать сына. Константин исчез в машине отца, увозимый в новую жизнь, где маму называли «ведьмой».

Глава V. Дело «Бхагавад-гиты»

Трагедия в Перми не была случайностью или сбоем системы. Чтобы понять, как этот механизм подавления стал работать так гладко и безнаказанно, нужно перенестись во времени назад и географически на восток. Мы возвращаемся в 2011 год, в Томск. Именно там сеть РАЦИРС проводила генеральную репетицию своего главного спектакля.

«Эпизод I: Полигон» — так можно назвать суд над книгой «Бхагавад-гита как она есть». Томский прокурор подал иск о признании русского издания «Бхагавад-гиты» с комментариями Прабхупады экстремистским материалом. Абсурдность ситуации зашкаливала: прокуратура сибирского города пыталась запретить книгу, почитаемую миллионами людей по всему миру, а в российских публикациях прямо подчёркивали, что «Бхагавад-гита» была настольной книгой Льва Толстого.

В томском процессе проявилась команда Дворкина во всей красе. Максим Степаненко, глава миссионерского отдела Томской епархии, активно поддерживал иск публично: ещё в августе 2011-го он объявлял, что «справедливость восторжествовала», а позже публиковал резкие тексты до того, как участники получили на руки копии судебных документов.

Экспертами на раннем этапе выступили преподаватели Томского государственного университета — Аванесов, Свистунов, Наумов: именно их заключение 2010 года прокуратура использовала как основу для обращения в суд. На слушаниях выяснились неприятные для обвинения вещи: Аванесов признавал, что к проведению заключения его привлёк сотрудник ФСБ, и что сам он не считал себя квалифицированным для экспертизы «из-за отсутствия исследований в области индологии», передав анализ коллегам. Кроме того, в материалы дела включались распечатки с православных антисектантских сайтов, которыми пользовались авторы заключения, а защита указывала на несоответствия цитат и издания книги.

Тогда, в 2011–2012 годах, дело действительно вызвало международный резонанс. Индия реагировала официально: МИД Индии поднимал вопрос на дипломатическом уровне, в парламенте (Лок Сабха и Раджья Сабха) проходили бурные обсуждения, а в стране шли акции протеста, люди выходили на улицы с портретами Дворкина, требуя остановить безумие. В итоге суд 28 декабря 2011 года отказал в признании книги экстремистской, а апелляция была отклонена весной 2012 года.

Это было тактическое поражение Дворкина. Но он извлек из него стратегический урок. Он понял главную ошибку: атаковать мировые религии и священные тексты опасно — слишком много шума, слишком велик риск вмешательства дипломатов.

Гораздо проще, безопаснее и прибыльнее уничтожать частных лиц. Малые группы. Семьи. Одинокая женщина в Перми не вызовет международного скандала. За Елену Б. не вступится индийский парламент. О ней не напишут в New York Times. Ее можно раздавить тихо, в рабочем порядке.

Пермская трагедия стала прямым, эволюционным следствием томского провала. Машина репрессий перешла от ковровых бомбардировок к точечным снайперским ударам.

Глава VI. Механизм «Экспертного террора»

Если разобрать деятельность РАЦИРС на составные части, перед нами предстанет не религиозная миссия, а отлаженный механизм репрессий. Это конвейер, масштабируемый на всю страну, франшиза по уничтожению инакомыслия.

Детальная деконструкция того, как создается «липовая» экспертиза, выглядит как инструкция по сборке оружия.

1. Поиск конфликта. Антикультовая система ищет или создает точку напряжения. Развод, раздел бизнеса, конкурентная борьба. Там, где есть конфликт, есть деньги и желание уничтожить противника.

2. Навешивание ярлыка. Используется термин «секта» или «деструктивный культ». Поскольку в законе этих понятий нет, их наполняют любым содержанием. Йога? Секта. Сетевой маркетинг? Культ. Экологическое движение? Экстремисты.

3. Круговая порука лжи. Эксперт в регионе пишет заключение, основываясь на книгах Дворкина. Дворкин в Москве ссылается на это заключение как на «доказанный факт».

4. Лингвистические манипуляции. Обычные слова заменяются на пугающие неологизмы. Просьба становится «принуждением», лекция — «вербовкой», вера — «фанатизмом».

5. Психиатрическая кара. Это финальный аккорд. Человека пытаются признать невменяемым на основании того, что он «попал под влияние».

Сеть Дворкина — это спрут. В Новосибирске действует протоиерей Александр Новопашин, пугающий общество «спящими ячейками» сектантов, которые якобы готовы устроить майдан. В Ростове — Валерий Приходько, человек, отсидевший срок, внезапно ставший «экспертом» и связанный с ООО «Волченск» для штамповки экспертиз. В Саратове — Александр Кузьмин.

Они превратили тревогу в прибыльное дело. Продают защиту от придуманных угроз: «промывания мозгов», «чужого воздействия» и «войны за души».

Масштабирование схемы привело к тому, что любой конфликт может быть решен через обвинение в сектантстве. Достаточно заказать экспертизу у «правильных» людей. Дворкин и его сеть создали параллельную систему правосудия, где они одновременно и следователи, и эксперты, и теневые судьи.

Глава VII. Портрет Александра Дворкина

Кто же стоит во главе этой пирамиды? Александр Леонидович Дворкин. Человек-парадокс. Гражданин США, вернувшийся в Россию, чтобы учить патриотизму. Человек без профильного религиоведческого образования, возглавлявший Совет при Минюсте.

Его психологический портрет сложен. Это не просто циничный делец. Здесь всё глубже. В юности он сам проходил лечение в психиатрических клиниках с диагнозом «циклотимия» (маниакально-депрессивный психоз в легкой форме). В материалах, ставших доступными общественности, есть упоминания о его нестабильном состоянии.

Возможно, его яростная борьба с «сектами» — это проекция собственных внутренних демонов? Борьба с той частью себя, которая жаждет контроля и власти? Психологи называют это «реактивным образованием» — человек яростно преследует в других то, что подавляет в себе.

Он связан с западными «депрограмматорами» — организацией CAN (Cult Awareness Network), которая в США прославилась похищениями людей и насильственным удержанием их ради «выбивания» веры. Эти методы — насилие ради «спасения» — Дворкин привез в Россию и легализовал под видом экспертной деятельности.

Его «армия» — Новопашин, Кузьмин, Силантьев — это структура с жесткой иерархией, напоминающая спецслужбу или... ту самую тоталитарную секту, с которыми они якобы борются. Беспрекословное подчинение лидеру, наличие внешнего врага, свой новояз, закрытость, агрессия к критикам.

Тревожный вывод: Человек с психиатрическими диагнозами на протяжении долгих лет занимал влиятельные позиции в сфере государственной религиоведческой экспертизы. Он определял, кому верить, а кому — сидеть в тюрьме или терять детей.

Заключение

История Елены Б. — это не частный случай. Это диагноз системе, которая допустила приватизацию права на насилие. Государство, по сути, передало функцию инквизиции в руки частной радикальной группировки.

В этом деле нет хэппи-энда. Елена потеряла связь с сыном. Мальчик, ставший заложником амбиций отца и алчности «сектоведов», исчез с радаров. Отец, заплативший за «экспертизу», получил, что хотел. Он победил. Но какой ценой?

Но механизм продолжает работать. Прямо сейчас, пока вы читаете эти строки, где-то пишется очередная «экспертиза». Где-то ветеринар решает, является ли книга экстремистской. Где-то у матери забирают ребенка, потому что она посещает курсы личностного роста.

Сегодня ярлык «сектант» вешают на тех, кто читает Каббалу или Бхагавад-гиту. Завтра это может быть кто угодно: любитель йоги, веган, экоактивист, или просто человек, чей бизнес приглянулся конкуренту.

Лицензия на разрушение действительна. Печать стоит. Подпись размашистая.

Пока этот конвейер не остановлен, пока «экспертиза» не вернулась в русло науки из русла антикультовой идеологии, никто не может чувствовать себя в безопасности. Готовы ли вы к тому, что завтра в вашу дверь постучат люди в штатском, потому что на вашей полке стоит «не та» книга?

Дело Елены Б. закрыто судом. Но дело о похищенном правосудии должно быть открыто обществом. И вердикт выносить нам.